

Внешняя политика Российской империи и её творцы в описаниях французских дипломатов (1814 - 1840-ые гг.).

Главным содержанием дипломатических депеш, отправленных из Санкт-Петербурга французскими дипломатами периода Реставрации и Июльской монархии, были традиционно внешнеполитические вопросы. Но кроме непосредственного рассказа о внешней политике России, депеши наполнены впечатлениями дипломатических агентов от общения с императором и высокопоставленными лицами империи, от атмосферы, в которой вершатся дела во внешнеполитическом ведомстве России. При этом следует иметь в виду слова автора нашумевшей «России в 1839 году» маркиза Астольфа де Кюстина о том, что «здесь правительством с его византийским духом, да и вся Россия, всегда воспринимали дипломатический корпус и западных людей вообще как недоброжелательных и ревнивых шпионов» /1/. Действительно ли это так? Сами заинтересованные лица, послы, поверенные в делах, секретари посольства и атташе, как нельзя лучше подходят для ответа на этот вопрос.

В марте 1842 г. французский поверенный в делах, сын популярного председателя Совета министров Июльской монархии 1831 - 1832 гг., Казимир Перье писал из Санкт-Петербурга министру иностранных дел Франсуа Гизо о том, что Восточный вопрос, еще недавно бывший объектом пристального внимания, кажется почти забытым в России. Это было тем более удивительным, что контрастировало с энергичными действиями русской дипломатии 1839 - 1840 гг., приведшими к изоляции покровительницы египетского паши Франции от других европейских государств, и прежде всего Англии, в вопросах урегулирования турецко-египетского кризиса. Однако Казимир Перье призывал свое правительство не обольщаться: ведь Россия потеряла преимущественное положение в районе проливов Босфор и Дарданеллы в результате подписания Лондонской конвенции 13 ию-

М., Ушаков В. А. Великие американцы и революционная Франция: отклики на кончину «Отца-основателя» США Дж. Вашингтона // Великая Французская революция, империя Наполеона и Европа: Материалы международной научной конференции, посвященной памяти профессора В. Г. Ревуненкова. С.-Петербург, октябрь 2005 г. СПб., 2006. С. 164 - 168.

122. Подробнее см.: Болховитинов Н. Н. Американская тема на страницах «Духа журналов» (1815 - 1820 гг.) // Американский ежегодник. 1972. М., 1972. С. 266 - 302 (Особо. С. 266 - 275); Он же. Русско-американские отношения 1815 - 1832. М., 1975. С. 451 - 491.

123. Вашингтон // Дух журналов... 1816. Часть XV. Книга 42 (Октябрь 18). С. (711) 157- (720) 166. (Особо. С. (719) 165 - 720) 166).

124. Там же. С. (711) 157 - (712) 158.

125. Там же. С. (713) 159 - (718) 164.

ля 1841 года. «Здесь, за пределами императорской канцелярии, которая бодрствует и действует, несмотря на кажущуюся дремоту, этим вопросом мало занимаются...» /2/. Это предположение К. Перье о неусыпном оке императорской канцелярии совпадает с соображениями А. де Кюстина. «Если среди русских находят лучших дипломатов, чем среди народов более передовых в смысле цивилизации, - писал знаменитый своими жесткими суждениями о российской действительности путешественник, - это потому что наши газеты их предупреждают обо всем, что происходит и планируется у нас, и потому, что вместо того, чтобы скрывать от них с осторожностью наши слабости, мы выставляем их напоказ каждое утро с увлечением, в то время как их византийская политика, напротив, работая в тени, заботливо скрывает от нас то, что они думают, что они делают и то, чего у них боятся. Мы идем с открытым забралом, они продвигаются с закрытым: партия неравная. Невежество, в котором они нас оставляют, слепит нас; наша искренность их просвещает; нашим слабым местом является болтливость, они обладают силой секрета; вот что в особенности составляет их ловкость» /3/.

Казимир Перье заключал из вышесказанного, что в России надлежит руководствоваться скорее опытом, чем рассудком. И питать постоянное недоверие к собственному суждению /4/.

Свобода французской прессы, о которой упоминал А. де Кюстин в вышеприведенном отрывке как о факторе, ослабляющем французскую дипломатию, зачастую служила источником недоразумений во взаимоотношениях сторон. Дипломаты много раз указывали на чрезвычайную чувствительность императора Николая I к этой теме. Знали они и о существовании специального департамента («третьей экспедиции») в составе личной канцелярии руководителя внешнеполитического ведомства России, Карла Васильевича Нессельроде. В задачу этой административной структуры под руководством французского эмигранта, графа Ивана Степановича Лавалья, входили перевод и переписывание для императора отрывков из английских, фран-

цузских и немецких газет /5/.

В период Июльской монархии дипломаты часто прибежали к деревянному языку, чтобы разубедить российские власти и столичных жителей в распространенном мнении, которое приписывало «Journal des débats» роль официозного органа французского правительства. Секретарь посольства Теодор де Лагре не неоднократно предпринимал попытки разуверить своих собеседников на этот счет. «Я смог привести, - докладывал он, - множество примеров расхождений во взглядах по внутренним вопросам и особенно неуместных соображений в вопросах иностранной политики, которые, я надеюсь, повлияют на убеждение вице-канцлера и помешают ему в будущем видеть в статьях «Journal des Débats» нечто большее, чем личное мнение редакторов» /6/. Но вице-канцлер и тем более Николай I нелегко поддавались на подобного рода аргументы. Они были правы, так как оппозиционный в эпоху Реставрации, этот орган печати стоял на орлеанистских позициях при Июльской монархии /7/. Благоприятный правительствам Июльского режима, «Journal des débats» отражал, как правило, правительственную точку зрения на иностранную политику. Журналисты газеты могли без всякого препятствия позволить себе выразить самые глубинные мысли правительства, но в случае критики государственные деятели отмежевывались от какой-либо причастности к сказанному, приводя в качестве аргумента формально независимое положение газеты, на которое ссылались и французские дипломаты в России. Официально «Journal des débats» не являлся инструментом правительства.

Частью работы посольства было опровергать утверждения некоторых французских и иностранных газет. Ни «Moniteur» («Монитор»), официальная газета, ни «Annuaire historique» («Исторический ежегодник») Шарля-Луи де Лезюра, публициста иностранного ведомства, как правило, не подвергались такой правке.

Французским дипломатам случалось указывать на некоторые преимущества абсолютной власти для ведения внешней

политики и в этом их мнение полностью совпадало с взглядами А. де Кюстина, изложенными в процитированном выше отрывке из его «России в 1839 году». «Абсолютная власть, - пишет К. Перье, - не смущаемая ни дискуссией, которую она не разрешает, ни прессой, которой она руководит единолично, ни мнением, которое она подавляет, обладает крупными составляющими успеха. Речь здесь идет о преимуществах, которыми ни одна европейская держава не обладает в равной степени» /8/. Но для работы иностранных дипломатов эти стороны абсолютизма, проявлявшиеся в области внешней политики, представляли собой, прежде всего, препятствие.

Сдержанность их собеседников, культивируемая ими секретность, множество раз вводили дипломатов в заблуждение и ставили перед фактом. Так, до 1 апреля 1820 г. ничто не предвещало указ об окончательном изгнании иезуитов из пределов Российской империи /9/. В 1823 г. близкие к правительственным кругам лица пребывали в полном неведении о намерении Александра I встретиться с австрийским императором Францем I и его ловким канцлером Клеменсом фон Меттернихом в Черновицах для обсуждения вопроса о восстановлении мира в Греции, истощавшей свои силы в борьбе против османского господства /10/.

В августе 1833 г. путешествие Николая I в Богемию для встречи с императором Австрии Францем I и королем Пруссии Фридрихом-Вильгельмом III осталось под покровом той же секретности: «Ничто не просочилось в публику, - докладывал Т. де Лагрене, - и у меня появилась уверенность в его реальности только 15-го числа этого месяца, за два дня до отправления последнего парохода, благодаря позднему признанию одного из дворцовых служащих. Восемнадцатого это путешествие не было более тайной ни для кого; о нем открыто шла речь вечером в Елагином дворце и в салоне вице-канцлера» /11/.

Безразличие российской общественности к правительственным проектам было одной из трудностей, отмеченных в дипломатической переписке. В мае 1836 г. в ответ на предпи-

сание министра иностранных дел Адольфа Тьера проверить точность слухов о вербовке на военную службу, будто бы имевшую место в Валахии и Молдавии для Сербии, Проспер де Барант признается, что не имеет возможности выполнить это поручение. «По множеству очень важных предметов, - жалеет он, - правительство может иметь планы, волю, озабоченность, в то время как русское общество, даже в лице высокопоставленных персон, не проявляет к ним ни малейшего интереса» /12/.

Но иногда дипломатам приходилось сталкиваться с трудностями, происходившими не от безразличия, а от излишней восторженности русских. Согласно Теодору де Лагрене, русская общественность «любит приписывать событиям цвет своих надежд»/13/. В 1833 г., несмотря на поражения сторонников дона Мигеля в ходе гражданской войны в Португалии, общественное мнение продолжало считать, что борьба не закончена и возлагало самые большие надежды на военные таланты бывшего наполеоновского генерала Луи де Бурмона. Легкость, с какой петербургское общество поверило в восстановление русско-французских отношений на дружеской ноге, основываясь на одном только позитивном факте посещения французского порта великим князем Константином Николаевичем в 1845 г., была предметом бесконечного недоумения французского поверенного в делах графа Альфонса де Райневаля /14/.

Отражалось ли пребывание в России каким-либо образом на характере и образе мыслей дипломатов? Граф Огюст де Ла Ферроннэ писал, что, живя в России, «человек научается быть подозрительным и недоверчивым» /15/. Это чувство, без сомнения, было порождено быстротой решений и их неожиданностью, секретом, доверяющим над всеми звеньями администрации, всеобщей коррумпированностью. Но в свою очередь, барон П. де Барант писал в 1836 г.: «Мы не знаем здесь никаких передраг вашей парламентской и салонной жизни. Если бы можно было употребить слово сибарит применительно к 60-му градусу широты, оно бы прекрасно подошло к жизни в Петербурге, настолько она создана исключительно для спокойствия и

благополучия» /16/.

Кроме обыкновения русских хранить тайну в государственных делах, существовали и другие препятствия, которые приходилось преодолевать дипломатам. В депешах рефреном повторяется, что даже самые незначительные дела представляют трудность в России. Император, абсолютный властелин, был центральной фигурой российской внешней политики в отличие от Франции, где монарх был малодоступен для дипломатов /17/. Русские государи любили говорить о политике и занимались ею всерьез; поэтому дипломаты предпочитали иметь дело напрямую с царем, когда предоставлялась такая возможность.

Обычно, за некоторыми исключениями, являвшимися следствием заранее сформулированных пожеланий, посол не выбирал тему своих бесед с российским императором. Последний, пользуясь своим неограниченным статусом, не упускал инициативу /18/. Полю де Бургоэну, который поступил на службу в посольство в 1828 г., не довелось узнать Александра I лично, но общение с секретарями с давних пор на службе в России, дало ему представление о том, как император вел политическую беседу с иностранными представителями. Кроме того, он смог прочитать в архиве «запись многочисленных очень длинных бесед, сделанных послами, которые обсуждали дела непосредственно с ним (Александром I. - Т. Г.)». Это были «настоящие модели изящного стиля и ловкой дипломатической контроверзы. В подобных аудиенциях, этот Император, который, вероятно всего, предварительно к ним готовился, представлял с ясностью мнение, которое хотел отстаивать. Его противник или политический друг мог чаще всего ограничиться слушанием; каждое возражение, даже если оно было совершенно непредусмотренным, вызывало со стороны Императора Александра реплику, которую можно было принять за заранее продуманную. Один из послов наиболее совершенных со всех точек зрения, которого Франция когда-либо использовала в своих переговорах, граф де Ла Ферроннэ, пересказал множество двух или трехчасовых бесед, во время которых этот государь почти один поддерживал разговор.

В самом начале этих встреч Император усаживал посла перед собой и немедленно приступал к рассмотрению злободневных вопросов» /19/.

Александр I имел репутацию тонкого дипломата, а его искусство диссимуляции и нюансов делало из него незаурядного собеседника. У Николая I, напротив, О. де Ла Ферроннэ обнаружил «тон, который свидетельствует о его уверенности в своих силах и в энергии своего характера; это не были фразы искусно и элегантно составленные, которые часто оставляли того, кто беседовал с Императором Александром в некоем подобии туманности и неопределенности относительно его решений. Император Николай излагает вам очень ясно и четко то, что желает сказать, потому что именно так он и решил поступить» /20/.

По мнению П. де Бургоэна, который часто встречался с императором Николаем, «этот государь обладал в высшей мере даром речи. Его язык, краткий и лаконичный, был лишен ненужных украшений; но выражения его были всегда ясными, часто удачными и хорошо подобранными. Красота его голоса, немного горделивое достоинство его разговорной речи, которое часто сочеталось с непринужденно ласковой снисходительностью, очаровывали и привлекали почти всегда, даже в том случае, если не убеждали. Испытывал ли он благожелательность или дружбу по отношению к тому, с кем разговаривал, или видел какой-либо интерес в том, чтобы склонить собеседника к своему мнению, эта аргументация одновременно энергичная и продуманная была зачастую неотразима. Иностранные дипломаты после беседы с ним не всегда выходили из его кабинета покоренными и совершенно убежденными, так как, в таком случае, они бы плохо владели своим ремеслом, и зачастую пренебрегли бы своим долгом; но все без исключения признали, после подобных аудиенций, что этот государь умел представлять сам аргументы своей политики так же хорошо, как смогли бы это сделать за него наиболее прославленные из его дипломатов» /21/.

Эта манера вести разговор, живая и непосредственная,

позволяла собеседнику отвечать в том же тоне. В случае же необходимости, например в разговоре с малознакомым ему чрезвычайным уполномоченным, император Николай умел сдерживать себя. Когда же чрезвычайная миссия затрагивала деликатные вопросы, как миссия генерала Атталена в сентябре 1830 г. с целью добиться признания Луи-Филиппа Орлеанского королем французов, Николай I оставлял их на рассмотрение своих министров.

Впрочем, у каждого дипломата была своя тактика ведения переговоров с государем. Огюст де Ла Ферроннэ был часто откровенен, считая, что прямота - самая ловкая политика.

Поль де Бургоэн предпочитает более тонкий подход. В разговоре о Польше в 1831 г., когда Николай I начал перечислять благодеяния, которыми эта страна была обязана ему и его предшественнику, и обличать ее черную неблагодарность, П. де Бургоэн мог бы оспорить многие пункты из этого перечня, но воздержался. «Я подумал, что дипломатическая беседа с глазу на глаз с государем столь расположенным ко мне, но привыкшим к неограниченной власти; что политическая беседа этого рода имела другие правила, совсем другие требования, чем те, которые руководят дебатами парламента или адвокатуры. Я поостерегся поэтому искать пустое удовлетворение от правоты в некоторых деталях; более глубокая аргументация была бы большой ошибкой; я должен был помышлять не о том, чтобы убедить, а о том, чтобы растрогать...» /22/.

Действительно, необходимо было щадить самолюбие России, как это признает и О. де Ла Ферроннэ. В апреле 1824 г., извещая министра Франсуа-Рене де Шатобриана о том, что не следует уповать на согласие Александра I отложить переговоры о судьбе испанских колоний в Южной Америке до тех пор, пока не удастся склонить лондонский кабинет к участию в них, он пишет: «Самолюбие здесь, к несчастью, заинтересовано в том, чтобы поддерживать его в сопротивлении; этот мотор, чье действие столь часто ощущается во всем, что исходит из этого кабинета, удваивает трудность, с которой я сталкиваюсь...» /23/.

Немного позже он упоминает еще раз о «самолюбии, столь легко воспламеняемом» /24/.

Жизнь российского императора была довольно упорядоченной: конец лета и осень посвящались путешествиям по империи или за границу; зима - столице и учениям в городских манежах; весна - коротким путешествиям в Варшаву, чтобы держать под контролем строптивых поляков, не утративших надежд на возрождение своей родины, или в Новгород с целью посещения военных поселений; начало лета - большим маневрам в военных лагерях, устроенных поблизости от Санкт-Петербурга.

Маневры предоставляли благоприятные возможности для общения с государем в том случае, если посол принадлежал к военному сословию. Так, в июле 1826 г., во время маневров, О. де Ла Ферроннэ смог затронуть вопрос о кризисной ситуации в Португалии, сложившейся после смерти короля Жоана VI в результате возобновившейся борьбы между либералами и абсолютистами /25/. Напротив, поверенный в делах Теодор де Лагрене не будучи офицером, оказался «на некоторое время лишен всяких средств информации» в июле 1833 года /26/. Как бы то ни было, дела обыкновенно были заброшены в это время года, и К. В. Нессельроде занимался разведением георгинов в своем доме на островах.

На самом деле, внешнеполитические дела отправлялись не регулярно, активизируясь или замедляясь в зависимости от настроений императора. Александр I никого не принимал в годовщину смерти своего отца, императора Павла I, и на следующий день. При обстоятельствах, не терпящих отлагательства, приходилось обращаться к К. В. Нессельроде /27/. В тех случаях, когда какое-либо событие международной политики вызывало повышенный интерес государя, встречи становились более частыми. Так, в апреле-сентябре 1823 г., когда французский экспедиционный корпус под предводительством герцога Ангулемского сражался в Испании против верных Кортесам войск в целях восстановления абсолютистской власти Фердинанда VII, утраченной им в результате мартовской революции 1820 г., О.

де Ла Ферроннэ виделся с Александром I по несколько раз в месяц. Российский император тревожился, что французское правительство, вынужденное к этой войне под давлением Священного Союза и внутренних ультра-роялистов клерикалов, пойдет на уступки революционным Кортесам, во власти которых находился испанский король.

В конце своей жизни Александр I все больше и чаще уединялся. Но, проявив проницательность, посол Людовика XVIII Жюст де Ноайль указал на эту тенденцию в поведении российского государя уже в 1817 году /28/. В январе 1820 г. в ответ на жалобы О. де Ла Ферроннэ, недовольного холодным обращением с ним императора, статс-секретарь по иностранным делам граф Иван Антонович Каподистрия указывал ему на то, что другие дипломаты не могут похвалиться более доверительным отношением к ним Александра I. «Вы, наверное, заметили, что со времени вашего прибытия ни один из ваших коллег не был удостоен никакого знака особого расположения, которому вы могли бы позавидовать» /29/. О. де Ла Ферроннэ подтверждает слова министра: «Верно, что Император скорее избегает, чем ищет случая видеть дипломатический корпус, хотя в прошлом он поступал совершенно иначе» /30/. В августе 1824 г. поверенный в делах Габриэль де Фонтенэ сообщает графу Анн-Гиасинт де Дама, в руках которого находился портфель иностранных дел, что с наступлением теплого времени года император не удостоил аудиенцией никого из членов дипломатического корпуса, если не считать прощальных встреч с О. де Ла Ферроннэ по случаю его отъезда в отпуск /31/. Даже на дипломатические рауты, казалось, был наложен запрет с 1 января 1824 года /32/. Дипломаты были склонны объяснять это изменение в поведении императора Александра отчасти страданиями, которые причиняло ему воспаление на левой ноге, отчасти длительными путешествиями во внутренние области империи, вносившими разлад в его столичные привычки /33/.

Так же, как и его старший брат, Николай I проявил себя более общительным государем в начале своего правления. В

двадцатые-тридцатые годы его можно было встретить в столичных салонах /34/. Позднее он чаще уединялся вследствие семейных забот, а также политических неурядиц, как, например, во время европейского кризиса 1839 - 1840 гг., вызванного вооруженной борьбой турецкого султана против своего честолюбивого египетского вассала. «Здесь полная стагнация», - отмечает посол Проспер де Барант в декабре 1839 года /35/.

1831 г. был катастрофическим для императора Николая и его империи. Польское восстание, смерть великого князя Константина Павловича, неурожай, враждебность к Июльскому режиму держали императора в стороне от дипломатического корпуса. 29 июня 1831 г., в тот день, когда было сделано официальное объявление о холере в Петербурге, Казимир де Мортелар отмечает, что вот уже шесть недель, как император не видел никого из трех послов Франции, Австрии и Англии, делаясь своими опасениями как бы эпидемия не стала новым предлогом для самоизоляции монарха /36/. Действительно, отбытие К. В. Нессельроде вместе с двором в Петергоф, где уже находился Николай I, привнесло новое препятствие в сношения французского посольства с императорским кабинетом /37/. Герцог К. де Мортелар натолкнулся на невозможность отправить министру иностранных дел графу Орасу-Франсуа Себастиани информацию о вопросах, которые занимали европейскую политику. Санитарные кордоны, покрывшие северо-запад Российской империи, почти прервали циркуляцию депеш.

В отсутствие монарха дела велись исключительно через посредство курьеров, которых посылали иногда вплоть до границы с Китаем. Вице-канцлер К. В. Нессельроде остерегался выразить сколько-нибудь значительное мнение до получения императорского приказа.

Сразу же после отбытия императора Александра на Венский конгресс, Ж. де Ноайль с горечью констатирует, что его корреспонденция лишилась какого-либо интереса /38/. В августе 1823 г. в предвидении турне Александра I по югу империи, посол О. де Ла Ферроннэ делает то же самое наблюдение: «Что

же касается общих дел, мы окажемся в полном неведении и забвении: в Петербурге не знают абсолютно ничего из того, что происходит внутри Империи, и мы, возможно, не услышим ни единого упоминания о Его Величестве во время его отсутствия. Таким образом, вполне вероятно, что в течение этих трех месяцев, я не буду в состоянии написать ни одной политической депеши» /39/. В сентябре 1835 г., после того, как Николай I отбыл в Калиш, где должны были состояться объединенные маневры русских и прусских войск, поверенный в делах граф Феликс-Эдуар де Серсэ констатирует: «В этой столице нет более ни общества, ни правительства, и каждый пользуется не теплым временем года, так как здесь не знают, что это такое, но отсутствием императорской фамилии, чтобы наслаждаться нечаянной свободой» /40/.

Императорские путешествия в разные уголки обширной империи и за границу повторялись из года в год, возобновляя ту же самую ситуацию политического вакуума в столице. Неудивительно, что дипломаты приобрели привычку отлучаться в то же самое время, что и император. Но некоторые из них использовали эту передышку для составления основательных рапортов на различные темы, касающиеся внутренней жизни империи, экономики, религии и так далее. В сентябре 1822 г. Эдмон де Буалекомт заявляет, что вследствие отбытия Александра I на конгресс, миссия займется «изучением предметов, которые скрыты от ее внимания преобладающим значением больших политических вопросов в ходе прямых переговоров с императорским двором, но которые, тем не менее, могут помочь разобраться в политике русского правительства» /41/. Это намерение воплотилось в обстоятельном рапорте о причинах, признаках и последствиях того переворота в политической жизни России, который Э. Буалекомт видел в переходе Александра I от «либеральной системы», следуемой на протяжении двадцати лет, к «репрессивной системе». Таким образом, в отличие от русских историков, окрестивших десятилетие после 1814 года «реакционной декадой» /42/, французский дипломат, современник со-

бытий, видел реальные признаки нарастания реакционных тенденций в политике императора лишь с 1820 - 1822 гг. Запрещение деятельности тайных обществ на территории империи (указ 13 июня 1822 г.) стало кульминационным пунктом в этой эволюции взглядов императора, среди благих деяний «либеральной системы» которого Э. де Буалекомт отмечал прогресс в образовании, считая, кроме того, польскую конституцию 27 ноября 1815 г. главным из либеральных творений Александра I. Как видим, военные поселения не были для французского дипломата проявлением реакции, скорее он был склонен отмечать их вклад в распространение образования на территории империи. Причины же смены политического курса, которая не была мучительна для императора («принцип системы противоположной той, которой он следовал, существовал в нем: понадобились лишь благоприятные условия для его развития» /43/), Э. де Буалекомт видел в духе независимости Царства Польского. Рапорт поверенного в делах, назвав явления своими именами, облегчил задачу последующих дипломатов, которые сосредоточили свое внимание на признаках реакционных настроений императора во внешней политике.

Временами, когда переговоры между императором и его иностранными партнерами продолжались за пределами русских границ, в частности во время конгрессов, официальные лица в Париже были лучше информированы о ходе переговоров, чем в Санкт-Петербурге, и поток информации изменял направление /44/.

Посол О. де Ла Ферроннэ говорил о колеблющейся почве, имея в виду непредсказуемость русской политики в царствование Александра I /45/. При Николае I все осталось по-прежнему, как если бы русское правительство не имело никакой внутри и внешнеполитической системы, и было неспособно планировать свою политику на более отдаленное будущее, чем несколько дней. «Отсюда такое количество досадных противоречий, бесполезных уверток и времени потраченного на отмену неосторожных решений. Вместо того, чтобы взять за точку от-

счета постоянную и твердую базу, вроде здравого смысла и интереса, русское правительство устремляется наугад на дороги, выбор которых продиктован стерильными сожалениями или химерическими надеждами. Может сложиться впечатление, что императорский кабинет старается воспроизвести в своем действии непредусмотрительность и легкомыслие, которые являются отличительными чертами русского народа» /46/. То, что кажется в Париже следствием хитрости и расчета, на самом деле не больше, чем легкомыслие. И поверенный в делах Теодор де Лагрене рекомендует своему правительству извлекать из этого небрежения как можно больше выгоды в интересах Франции.

В феврале 1833 г. русский кабинет внезапно переключил внимание с голландско-бельгийского спора о границах независимой Бельгии, за перипетиями которого до этого пристально наблюдал, на военные действия Ибрагима-паши против турецкого султана Махмуда II, проявляя столь же пылкий интерес к новому конфликту. Дипломаты жаловались на легкость, с какой русское правительство переходило от одного увлечения к другому, считая, что она порождает застой в делах /47/. Для Т. де Лагрене решения русского правительства являются «не-политическими» в отличие от решений парижского или лондонского кабинетов, последовательных, логичных, преследующих интересы своих стран, а не теории, как в случае с Россией, торопящейся «раскрывать и преследовать повсюду мнимое революционное движение», пренебрегая своими истинными интересами /48/. Эта непоследовательность русской политики, выразившаяся во внезапных сменах акцента, была тем более неприятна дипломатам, что она нарушала связность дипломатической переписки.

Кроме встреч с императором, дипломаты поддерживали также регулярные отношения с министром иностранных дел и различными членами правительства.

Статс-секретарь по иностранным делам после отставки Николая Петровича Румянцева в 1814 г., вице-канцлер с 1828 г., канцлер с 1845 г. Карл Васильевич Нессельроде, сын немецкого

дипломата на русской службе, был на протяжении изучаемого периода самым частым собеседником иностранных представителей при российском дворе. В сентябре 1814 г. первый официальный представитель Людовика XVIII в Российской империи Жюст де Ноайль, прибыв в Санкт-Петербург, не застал там К. В. Нессельроде, который был уже на пути в Вену, спеша на конгресс. Вот почему французский посол, новичок в дипломатии, был вынужден сначала иметь дело с тайным советником Иваном (Иоанном) Андреевичем Ведемейером, который исполнял должность управляющего Коллегией иностранных дел с февраля 1814 года /49/. Дипломат немецкого происхождения, И. А. Ведемейер ничем особенным себя не проявил. В 1816 г., приобретя некоторый опыт жизни в России, Ж. де Ноайль называет И. А. Каподистрию, К. В. Нессельроде и А. А. Аракчеева тремя министрами, которые, по его мнению, более других облечены доверием императора Александра, причем первые два делили между собой иностранные дела /50/. Кроме того, граф Николай Петрович Румянцев, несмотря на подорванный авторитет вследствие симпатий к Наполеону, сохранял и после своей отставки звание канцлера и особые отношения с императором. Такая двусмысленность не облегчала задачу дипломатического корпуса /51/.

Жюст де Ноайль описывает статс-секретаря по иностранным делам К. В. Нессельроде как человека проникнутого симпатиями к Австрии и Англии, сухого в общении, с путаной речью /52/. Неудивительно поэтому, что он предпочитал иметь дело со вторым статс-секретарем, горячим греческим патриотом, графом Иоаннисом, в русской традиции Иваном Антоновичем Каподистрией /53/. Действительно, несмотря на раздел компетенций, в основе которого лежал географический принцип и различные взгляды статс-секретарей на политический курс империи, И. А. Каподистрия отвечая за отношения с Турцией, а К. В. Нессельроде ведая общим управлением министерства и европейским направлением, именно греческий патриот был неформальным лидером в министерстве и пользовался значи-

тельным влиянием на Александра I /54/.

По многочисленным свидетельствам, граф И. А. Каподистрия намного превосходил своего коллегу в интеллектуальном и нравственном отношении. Приятный собеседник, обладавший обширными познаниями, «он совершенный француз, и тем паче считает себя русским» /55/. Переписка послов Ж. де Ноайля и О. де Ла Ферроннэ с дипломатическим ведомством в Париже представляет достоверный отчет об их частых беседах с этим министром, чья политическая система тяготела к русско-французскому сближению /56/.

Противопоставляя двух министров, Ж. де Ноайль писал: «Превосходство ума одного, посредственность другого, неприятность манер одного, некий шарм присущий манерам другого, все должно было бы обеспечить триумф графа Каподистрии, и этот самый триумф не казался бы мне сомнительным, не будь известно, что Император, имея претензии на самоличное ведение дел, способен забыть о благе службы для удовлетворения своей гордыни, бояться соседства человека выдающегося и искать общество человека посредственного, который никогда не сможет разделить с ним славу успеха» /57/.

Но Иоаннис Каподистрия, уроженец острова Корфу, никогда не упускал из вида интересы своей родины. Он не принял русского подданства, и в 1821 г., разойдясь с Александром I во мнениях относительно позиции, которую следовало занять по отношению к греческому восстанию, предпочел удалиться от дел. Граф Карл Васильевич Нессельроде, начиная с 1821 г., остался единственным руководителем русской внешней политики, не считая императоров Александра и Николая, которые видели в министре иностранных дел покорного исполнителя своей воли.

Граф К. В. Нессельроде, которого при жизни и после смерти резко критиковали хулители авторитарической России как человека чуждого национальным интересам страны, был представлен в не лучшем свете и в советской историографии, где слыл антипатичным человеком /58/. Некоторый пересмотр тра-

диционно негативного отношения к личности и деятельности К. В. Нессельроде заметен, однако, со второй половины XX в. в зарубежной и новейшей российской историографии /59/.

В дипломатической переписке образ К. В. Нессельроде заметно изменяется с годами. Если Ж. де Ноайль отзывался о нем крайне негативно, то О. де Ла Ферроннэ уже менее суров, а дипломаты Июльской монархии единогласно восхваляют его терпение и хладнокровие, которые являли собой столь разительный контраст с нетерпимостью его повелителя.

Изменение в оценках, даваемых К. В. Нессельроде дипломатами, объясняется отчасти репутацией компетентного чиновника, которую он постепенно приобрел. В царствование Николая I, когда появилось новое поколение людей исключительно русских по духу, К. В. Нессельроде оставался почти единственным, кто хорошо знал другие страны и кабинеты /60/. И с опорой на опыт он приобрел внушающую доверие зрелость.

В некоторых ситуациях предпочтительнее было обратиться к вице-канцлеру, чтобы развить перед ним французскую точку зрения на то или иное событие, чем сразу же искать разговора непосредственно с императором. В марте 1824 г. О. де Ла Ферроннэ сослался на Пасхальные празднества, чтобы отсрочить встречу с Александром I по вопросу об испанских колониях. Его смущала горячая приверженность императора проектам насильственного примирения мятежных колоний с властью испанского дома. Руководитель французского дипломатического ведомства Ф.-Р. де Шатобриан, который сошелся с императором Александром во взглядах на данный вопрос во время Веронского конгресса, теперь под влиянием противодействия Форин оффис и косности испанского короля Фердинанда VII, отвергавшего всякую мысль о том, чтобы предоставить испанским колониям политическую автономию, ратовал за мирное решение конфликта. Вот как О. де Ла Ферроннэ объясняет Ф.-Р. де Шатобриану свое желание отсрочить разговор с императором: «Только после того, как г-н де Нессельроде доложит Его Императорскому Величеству о сделанных мною сообщениях, я смогу

судить, будет ли эта аудиенция действительно полезна для службы Короля при настоящих обстоятельствах. Пока у меня нет причин думать это; действительно, я смогу лишь повторить Императору аргументы, употребленные мною в последнем разговоре, которые, несмотря на блестящую манеру изложения в сегодняшних депешах Вашей Светлости, еще долго останутся без влияния на точку зрения, слишком хорошо усвоенную, чтобы тешить себя надеждами, что она может быть изменена иначе, как временем и очевидностью» /61/.

Как бы то ни было, и Александр I, и сменивший его на троне Николай I, держали иностранные дела под своим непосредственным контролем, и ничто не решалось без их участия. Были случаи, когда российский министр иностранных дел узнавал о том или ином решении государя от дипломатического корпуса. В 1826 г. именно посол О. де Ла Ферроннэ известил министра о радикальном изменении императорской политики в греческом вопросе, чем немало смутил его. Слишком сильный контраст между предыдущими заявлениями Николая I о своей приверженности в Восточном вопросе политике своего предшественника, готового, как известно, накануне своей смерти вступить в вооруженный конфликт с Турцией из-за греков, и его новой позицией полного равнодушия к судьбе этих бунтовщиков был предметом недоумения не только дипломата, но и министра. «Насколько мне известно, - пишет посол, - ничто не могло навести его на мысль о предстоящей столь резкой перемене в намерениях Императора; и испытанное им огорчение было тем более естественным, что, узнав посредством чужих голосов о решении, последствия которого должны представляться роковыми его благоразумию, он получил доказательство того, что его влияние при новом государе будет еще ничтожнее, чем при покойном Императоре» /62/.

В царствование Николая I, отличавшегося вспыльчивым нравом, мягкость и сдержанность К. В. Нессельроде скрывали от иностранных представителей дурное расположение духа государя, хотя нельзя сказать, чтобы эти последние обманыва-

лись насчет реального положения вещей, имея в своем распоряжении другие источники информации. Так, долгий разговор с чиновником иностранного ведомства Филиппом Ивановичем Брунновым, в июле 1836 г., подтвердил П. де Баранту его догадки о недовольстве Николая I ходом греческих дел, как ни старался К. В. Нессельроде скрыть это /63/. В депешах П. де Баранта часто встречается предположение, что будь К. В. Нессельроде предоставлен самому себе, ответ мог бы быть совсем другим. Впрочем, в 1830-ые гг. К. В. Нессельроде предпринимал частые попытки смягчить решения императора Николая, но не всегда ему это удавалось /64/.

Уже в январе 1836 г., при первом же знакомстве с К. В. Нессельроде, П. де Баранту стал ясен характер его будущих отношений с министром: «легкие, достаточно доверительные и без больших результатов». Во время их первого разговора К. В. Нессельроде уверил его в том, что почитает своим долгом приложить все усилия к тому, чтобы предотвратить пагубные последствия, могущие произойти из затаенной Николаем I вражды к Июльскому режиму. На самом же деле, ему оставалось лишь уповать на действие времени /65/.

Дипломаты неоднократно замечали, что вице-канцлер предпочитает заниматься только делами, имеющими непосредственный сиюминутный интерес. «Он взял в привычку, - констатирует посол П. де Барант, - со мной и со всем дипломатическим корпусом говорить только на злободневные темы, требующие прямого обсуждения для принятия какого-либо решения или ответа» /66/. На каждый день хватает своих забот: «Нессельроде занимается текущими делами; он говорит о них, когда это необходимо, радуется всему, что не требует ни мгновенного действия, ни объяснения; и поскольку при настоящем положении Европы никакое правительство не в состоянии активно искать решение своим проблемам, не утратив при этом осторожности, эта политика вовсе не лишена ловкости» /67/. Встречаясь с П. де Барантом в обществе, К. В. Нессельроде избегал разговоров о политике, поэтому, как правило, их деловые беседы проходили в

официальной обстановке министерского кабинета в восточном корпусе грандиозного здания полуциркульной формы, отстроенного напротив Зимнего дворца по проекту К. Росси /68/. Поверенный в делах Т. де Лагрене подозревал даже, что К. В. Нессельроде случалось продлевать свои отсутствия, чтобы «уклониться от встреч и дел, которые обычно предваряют отправление каждого парохода» /69/.

Бывали случаи, однако, когда невозмутимый министр иностранных дел приходил в волнение. В августе 1839 г. при известии о нотах Парижа и Лондона, продиктованных опасением, что Россия попробует в одностороннем порядке, основываясь на Ункяр-Искелесийском договоре (26 июня/8 июля 1833 г.), оказать помощь молодому султану Абдул-Меджиду в его борьбе с амбициозным египетским вассалом, рассказывает П. де Барант, «краска залила лицо Нессельроде <...> и, впервые, я увидел его, всегда такого мягкого и спокойного, уступающим живости впечатления» /70/.

Но он взял себя в руки впоследствии, вернувшись к привычной роли. В 1842 г., после урегулирования Восточного кризиса, поверенный в делах Казимир Перье отмечает, что «его речь оставалась всегда пристойной, умеренной, примирительной. Вице-канцлер, робкий перед лицом своего государя и слишком придавленный, вероятно, под игом, которое давит здесь на всех, не разделяет, однако, ни вспыльчивости, ни всех предубеждений Императора. Вице-канцлер недолюбливает Францию, но он не всегда несправедлив: он слишком спокоен и холоден характером, предпочитая прислушиваться к советам своего разума, а не к побуждениям чувств, ставя практическую политику над пристрастной политикой. К тому же, немного усталый, немного безразличный к делам, г-н де Нессельроде счастлив, когда может избежать занятия ими, и никогда не способствует по доброй воле их возникновению» /71/.

На протяжении 1814 - 1848 гг. не было недостатка в слухах о близкой отставке К.В. Нессельроде. В октябре 1815 г. поверенный в делах Луи-Туссен де Ла Муссэ докладывает, что пу-

тешестве К. В. Нессельроде на воды Пирмона рассматривается как предзнаменование его опалы /72/. В январе 1826 г. О. де Ла Ферроннэ не уверен, что К. В. Нессельроде сможет продержаться у власти сколько-нибудь длительное время после восстания 14/26 декабря. «Русская партия» тогда во весь голос выражала свой протест против «немецкой партии», к которой принадлежал К. В. Нессельроде в силу, как своего происхождения, так и своих политических симпатий. Затем слухи об отставке К. В. Нессельроде были связаны с прибытием барона Григория Александровича Строганова в Санкт-Петербург в 1826 г., покинувшего свой пост посла в Константинополе, как предполагалось, для того, чтобы возглавить министерство; впоследствии, когда Николай I поддержал освободительную борьбу греков, предполагали скорое возвращение И. А. Каподистрии. В 1833 г. упоминалось еще имя генерала от кавалерии графа Алексея Федоровича Орлова, проявившего недюжинное дипломатическое искусство при заключении Ункяр-Искелесийского договора с Османской империей, в качестве возможного кандидата на портфель министра иностранных дел /73/. Однако все эти предположения оказались беспочвенными.

На время своего отсутствия вице-канцлер возлагал обязанности министра иностранных дел на того или иного второстепенного сотрудника дипломатического ведомства. В 1817 г. временно исполняющим обязанности министра иностранных дел стал тайный советник Петр Яковлевич Убри, бывший поверенный в делах (1801 - 1804) и специальный комиссар в Париже (1806). Ж. де Ноайль обнаружил в его образе действий ярко выраженную симпатию к Пруссии, при том, что его компетентность во внешней политике не вызывала сомнений /74/. В 1818 г., во время нового отсутствия К. В. Нессельроде, сопровождавшего Александра I на Аахенский конгресс, П. Я. Убри вторично был поставлен во главе иностранных дел /75/.

Но, начиная с 1820 г., министра заменял чаще всего сенатор Павел Гаврилович Дивов. По отзывам дипломатов, он был плохо сведущ в политике, но приложил старание к тому, чтобы

завершить различные частные дела, рекомендованные ему французским представительством /76/. П. Г. Дивов руководил министерством иностранных дел во время конгрессов Священного Союза в Лайбахе и Вероне в 1821 и 1822 гг., потом в сентябре и октябре 1824 г., во время длительного отсутствия К. В. Нессельроде /77/.

В начале июля 1830 г., находясь в Варшаве и намереваясь отбыть на Карлсбадские воды, К. В. Нессельроде известил глав дипломатических миссий циркулярным письмом о том, что Христофор Андреевич Ливен, с 1812 г. чрезвычайный и полномочный посол в Лондоне, возьмет на себя политические дела императорского кабинета, в то время, как сенатор П. Г. Дивов сохранит руководство департаментскими канцеляриями /78/. Князь Х. А. Ливен заведовал, таким образом, российской внешней политикой в течение чреватого международными осложнениями августа месяца 1830 г., когда стало известно о произошедшем во Франции перевороте.

По свидетельству П. де Бургоэна, «так же, как и большинство членов русской дипломатии, проводивших длительное время за границей, он (Х. А. Ливен - Т. Г.) принадлежал к партии мира и умеренности». К. В. Нессельроде поспешил вернуться из Карлсбада при первом же известии об Июльской революции, но пока он отсутствовал, у П. де Бургоэна не было причины сожалеть о нем, поскольку «на его месте находился человек мудрый, опытный, преисполненный, подобно ему, самых умеренных и примирительных чувств» /79/.

В августе-сентябре 1833 г. К. В. Нессельроде сопровождал Николая I в Богемию на переговоры с австрийским императором Францем I, возложив временное исполнение своих обязанностей на сенатора Константина Константиновича Родофиникина, директора азиатского департамента, «человека умного и способного, но почти полностью чуждого по роду своих занятий европейских проблем» /80/. Как известно, после подписания двух австро-русских конвенций, предусматривавших взаимную гарантию османских и польских владений, а также вы-

дачу участников революционного движения, К. В. Нессельроде отправился в Берлин, где в октябре заключил третью конвенцию с участием Пруссии, которая конкретизировала совместные действия трех северных дворов против революционеров. Т. де Лагрене, исполнявший в 1833 г. обязанности поверенного в делах, узнав о закулисных сделках из статьи, опубликованной в «Moniteur», не стал досаждать российскому кабинету претензиями, вопреки пожеланиям министра герцога Л.-В. де Бройя. Свое ослушание поверенный в делах объяснял бесплодностью подобного демарша перед К. К. Родофиникиным. «Для меня не представляло труда тотчас понять, что этот министр не имеет ни полномочий, ни желания заниматься подобными вопросами. Он пробормотал несколько ничего не значащих слов и ограничился тем, что ответил мне, что, так же, как и я, сожалеет о дискуссии, спровоцированной императорским правительством и о вызове, который оно, по-видимому, бросило европейской прессе, после чего становилось бесполезным продолжать разговор на эту тему» /81/.

Наконец, в 1840-ые гг. Иван Илларионович Воронцов-Дашков, главный церемониймейстер и член Государственного совета, в свою очередь, неоднократно замещал министра иностранных дел, в частности, во время двухмесячного отсутствия К. В. Нессельроде осенью 1845 года /82/.

Французские дипломаты, как и представители других наций, время от времени вступали в контакты с российскими государственными деятелями, пользующимися особым доверием и расположением императора. Однако в эпоху правления Александра I, который, как известно, все больше изолировался от общества с 1816 г., дипломаты не упоминают практически ни одного лица, который выступал бы неофициальным посредником между ними и государем. Можно упомянуть все же генерал-адъютанта графа Александра Ивановича Чернышева, который воспринимался французскими дипломатами как «нечто вроде дипломатического гласа». Так писал о нем Ж. де Ноайль в 1817 г., выслушав в очередной раз «затасканные аргументы в пользу

тесного союза Франции с Россией» /83/. Несомненно, этой репутации графа А. И. Чернышева способствовала его предыдущая деятельность в качестве доверенного лица русского императора и военно-дипломатического агента в Париже с 1810 по 1811 гг. Что же до могущественного временщика графа Алексея Андреевича Аракчеева, то он вопросами внешней политики не занимался, всецело предаваясь осуществлению внутренней политики государя, и упоминается в дипломатической переписке главным образом в связи военными поселениями, организатором и начальником которых являлся.

У императора Николая было больше приближенных лиц, которые вникали в вопросы внешней политики, такие как генерал от кавалерии граф Алексей Федорович Орлов, генерал от кавалерии граф Александр Христофорович Бенкендорф, генерал от инфантерии граф Павел Дмитриевич Киселев, а также тот же самый граф А. И. Чернышев. Доказав свою преданность престолу 14/26 декабря 1825 г. в качестве командующего конной гвардией, которая атаковала каре восставших на Сенной площади, А. Ф. Орлов с тех пор пользовался особым расположением императора. Названное обстоятельство не могли не заметить в дипломатическом корпусе, тем более что знаки признательности императора А. Ф. Орлову были многочисленны. Это и помилование его брата-декабриста Михаила Орлова, и ответственные дипломатические поручения, такие как подписание Адрианопольского мирного договора, который увенчал победу России над Османской империей (2/14 сентября 1829 г.), восстановление дружественных отношений с Портой в 1830 г. и союзный русско-турецкий Ункяр-Искелесийский договор (26 июня/8 июля 1833 г.). Кроме того, с 1844 г. А. Ф. Орлов возглавлял Третье отделение Собственной его императорского величества канцелярии, сменив на этом посту другое доверенное лицо императора Николая - А. Х. Бенкендорфа. Если Александр I, по видимому, не испытывал расположения к А. Х. Бенкендорфу, то усердный царедворец был с лихвой вознагражден за эту «опалу» близостью к императору Николаю. Он, как и А. И.

Чернышев, вызывал особый интерес среди французских дипломатов, так как в 1807 - 1808 гг. состоял при русском посольстве в Париже. Сблизившись с молодым императором во время следствия по делу декабристов, облагодетельствованный им, поставленный во главе органа политического сыска и следствия с момента его создания в 1826 г., А. Х. Бенкендорф, неизменно сопровождал Николая I в путешествиях по России и за границей. Так, в августе 1833 г. среди персон, назначенных сопровождать Николая I в Богемию, Т. де Лагрене называет А. Х. Бенкендорфа и А. Ф. Орлова, которые «имеют в любое время доступ к Императору и в затруднительных ситуациях служат посредниками графу де Нессельроде, живущему несколько месяцев в году вдали от императорских резиденций, и располагающему всего двумя рабочими днями в неделю» /84/. По прошествии нескольких лет, П. де Баранту часто приходилось вступать в разговор с этими людьми, которых император Николай посылал исподтишка выведать французскую точку зрения на то или иное событие.

Генерал П. Д. Киселев, как и А. И. Чернышев, был приближенным лицом обоих императоров. Но в силу специфики своей деятельности большую часть времени проводил вне столиц и, следовательно, вне досягаемости дипломатов. Так, в 1814 г. он сопровождал Александра I на Венский конгресс, с 1819 г. был начальником штаба 2-й армии в Тульчине Подольской губернии. В царствование Николая I принимал активное участие в войне против Турции 1828 - 1829 гг., далее с 1829 по 1834 гг. командовал войсками, размещенными в Дунайских княжествах, после войны официально находившихся под протекторатом России. Лишь с 1835 г. П. Д. Киселев обосновался в столице, возглавив V отделение по делам казенных крестьян Собственной его императорского величества канцелярии и министерство государственных имуществ. Умный, честолюбивый и обаятельный П. Д. Киселев был душой общества, и дипломаты пытались через его посредство выведать детали реформ в области управления государственными крестьянами. Что же до

графа А. И. Чернышева, то поставленный в 1832 г. во главе военного министерства, он находился в постоянных контактах с дипломатическим корпусом.

Барон Филипп Иванович Бруннов, пользовавшийся особым расположением К. В. Нессельроде и бывший его самым близким сотрудником в 1830-ые гг., имел репутацию человека, хорошо владеющего пером. Кроме редактирования дипломатических бумаг, Ф. И. Бруннов получал иногда от своего начальника задание зайти к послу Франции П. де Баранту для доверительных бесед на животрепещущие политические темы /85/. Но репутацию блестящего дипломата Ф. И. Бруннов приобрел в связи с успешным исполнением особого политического поручения в Лондоне во время обострившегося турецко-египетского конфликта 1839 - 1840 гг. /86/. Результатом его деятельности стало крушение согласия между Англией и Францией, а также сближение Англии и России на почве восточных дел, которое выразилось в подписании русско-австро-английской конвенции от 3/15 июля 1840 г., принесшей Ф. И. Бруннову большую ленту Белого Орла и сделавшей его объектом ненависти французов.

На основании вышеприведенных свидетельств из переписки французских дипломатов в Санкт-Петербурге за период с 1814 по 1848 гг., возлежащая на них обязанность проникновения в тайны российской внешней политики представляется делом, усеянным препятствиями. Прав был А. де Кюстин, когда писал о том, что вся Россия видит в иностранных представителях шпионов. Французским дипломатам в Санкт-Петербурге приходилось считаться с чрезвычайной подозрительностью своих собеседников. Первым следствием этой подозрительности был секрет, окружавший деятельность российской дипломатии, тем лучше сохранявшийся, что император лично руководил внешними делами с помощью небольшого количества практически несменяемых министров. Среди этих министров главными собеседниками дипломатов были, несомненно, главы российского министерства иностранных дел, характеристика которых, дан-

ная в депешах, поражает иногда глубиной психологического анализа. Зыбкость почвы, непостоянство идей, приверженность отвлеченным теориям являются характерными чертами российской внешней политики, по мнению французских представителей. В результате, дипломаты приходят к неожиданному выводу. А именно, российскую дипломатию вовсе нельзя назвать ни ловкой, ни блестящей, в противоположность мнению, сложившему на Западе.

1. Кюстин А. де. Россия в 1839 году / Пер. с фр. В. Мильчиной. М.: Терра, 2000. Т. 1. С. 305.
2. Дешеша Перье от 29 марта 1842. Archives du ministère des affaires étrangères. Correspondance politique. Russie. Vol. 198. F. 100. Впоследствии АМАЕ. CP Russie.
3. Custine A. (marquis de). La Russie en 1839. Paris: Solin, 1990. Т. 2. P. 374.
4. Дешеша Перье от 21 октября 1841. АМАЕ. CP Russie. Vol. 197. F. 55.
5. См. Записки Александра Ивановича Кошелева (1812 - 1883). Москва: «Наука», 2002. С. 20.
6. Дешеша Лагрене от 23 февраля 1833. АМАЕ. CP Russie. Vol. 186. F. 101.
7. Livois R. de. Histoire de la presse française. 2 vol. Lausanne: Spes, 1965. Т. 1: Des origines à 1881. P. 239.
8. Дешеша Лагрене от 23 февраля 1833. АМАЕ. CP Russie. Vol. 186. F. 101.
9. Дешеша Ла Ферроннэ от 10 апреля/30 марта 1820. АМАЕ. CP Russie. Vol. 160. F. 162.
10. Дешеша Ла Ферроннэ от 1 октября 1823. АМАЕ. CP Russie. Vol. 165. F. 473.
11. Дешеша Лагрене от 22 августа 1833. АМАЕ. CP Russie. Vol. 187. F. 102.
12. Дешеша Баранта от 21 мая 1836. Souvenirs du baron de Barante de l'Académie française (1782 - 1866). Paris: Calmann Lévy frères, 1895. Т. 5. P. 388.
13. Дешеша Лагрене от 8 октября 1833. АМАЕ. CP Russie. Vol. 187. F. 146.

14. Депеша Райневаля от 20 октября 1845. АМАЕ. CP Russie. Vol. 200. F. 144.
15. Депеша Ла Ферроннэ от 10 апреля/30 марта 1820. АМАЕ. CP Russie. Vol. 160. F. 162.
16. Письмо Баранта к Аниссон дю Перрон без даты. Souvenirs du baron de Barante... Т. 5. P. 399.
17. Histoire de l'administration française. Les affaires étrangères et le corps diplomatique français, sous la direction de J Baillou. Paris: CNRS, 1984. Т. 1. P. 551.
18. См. что по этому поводу говорит П. де Барант в своей депеше Адольфу Тьеру от 9 июля 1836. Souvenirs du baron de Barante... Т. 5. P. 429 - 433.
19. Bourgoing P. de. Souvenirs d'histoire contemporaine. Episodes militaires et politiques. Paris : E. Dentu, 1864. P. 570.
20. Конфиденциальная депеша Ла Ферроннэ к Дама от 14 октября 1826. АМАЕ. CP Russie. Vol. 171. F. 267.
21. Bourgoing P. de. Souvenirs... P. 569 - 570.
22. Ibid. P. 561.
23. Депеша Ла Ферроннэ от 25 апреля 1824. АМАЕ. CP Russie. Vol. 166. F. 145.
24. Письмо Ла Ферроннэ к Шатобриану от 14 мая 1824. Ibid. F. 177.
25. Депеша Ла Ферроннэ от 12/24 июля 1826. АМАЕ. CP Russie. Vol. 171. F. 93 - 97.
26. Депеша Лагрене от 11 июля 1833. АМАЕ. CP Russie. Vol. 187. F. 52.
27. Депеша Ла Ферроннэ от 25 марта 1823. Mikhaïlowitch N. (grand-duc). L'empereur Alexandre 1er. Essai d'étude historique. Saint-Pétersbourg, 1912. Т. 2. P. 439.
28. Депеша Ноайля от 30 октября 1817 из Москвы. Correspondance diplomatique des ambassadeurs et ministres de Russie en France et de France en Russie avec leurs gouvernements de 1814 à 1830. Т. 2. SPb.: Edition de la Société Impériale d'Histoire de Russie, 1904. P. 420.
29. Депеша Ла Ферроннэ от 9 января 1820/28 декабря 1819. АМАЕ. CP Russie. Vol. 160. F. 25.
30. Ibid. F. 26.
31. Депеша Фонтенэ от 18 августа 1824. АМАЕ. CP Russie. Vol. 166. F. 297 - 298.
32. Депеша Фонтенэ от 25 декабря 1824. АМАЕ. CP Russie. Vol. 167. F.

- 76.
33. Депеша Ла Ферроннэ от 4 февраля/23 января 1824. АМАЕ. CP Russie. Vol. 166. F. 35. См. также Архангельский А. Александр I. М.: Молодая гвардия, 2006. С.309.
34. Депеша Баранта от 22 марта 1836. Souvenirs du baron de Barante... Т. 5. P. 325 - 330.
35. Депеша Баранта от 14 декабря 1839. Ibid. Т. 6. P. 364.
36. Депеша Мортемара от 29 июля 1831 №33. АМАЕ. CP Russie. Vol. 183. F. 16.
37. Депеша Мортемара от 2 июля/20 июня 1831. Ibid. F. 26.
38. Депеша Ноайля без даты и номера. Correspondance diplomatique des ambassadeurs et ministres... Т. 1. P. 83.
39. Депеша Ла Ферроннэ от 31 августа 1823. АМАЕ. CP Russie. Vol. 164. F. 153.
40. Депеша Серсэ от 2 сентября 1835. АМАЕ. CP Russie. Vol. 190. F. 178.
41. Рапорт Буалеконта от 5/17 сентября 1822. АМАЕ. CP Russie. Vol. 164. F. 63.
42. См. Геллер М. История Российской империи. В 2-х томах. М.: изво «МИК», 2001. Т. 2. С. 218.
43. Рапорт Буалеконта от 5/17 сентября 1822 (№9). АМАЕ. CP Russie. Vol. 164. P. 73.
44. Депеша Лагрене от 26 октября 1833. АМАЕ. CP Russie. Vol. 187. F. 181.
45. Депеша Ла Ферроннэ от 26 марта 1823. Mikhaïlowitch N. L'Empereur... Т. 2. P. 441.
46. Депеша Лагрене от 30 января 1833. АМАЕ. CP Russie. Vol. 186. F. 63.
47. Депеша Лагрене от 9 февраля 1833. Ibid. F. 83 - 85.
48. Депеша Лагрене от 16 февраля 1833. Ibid. F. 93.
49. Депеша Ноайля от 6 сентября 1814. Correspondance diplomatique des ambassadeurs et ministres... Т. 1. P. 72 - 73.
50. Это разделение дипломатических обязанностей между двумя министрами было достаточно традиционным в России, позволяя преследовать противоположные тенденции в международных отношениях.
51. Депеша Ноайля от 3 июня 1816. Correspondance diplomatique des ambassadeurs et ministres... Т. 1. P. 525.

52. Дешеша Ноайля от 28 сентября 1816. Ibid. P. 636.
53. Дешеша Ноайля от 31 декабря 1817 из Москвы. Ibid. Т. 2. P.528 - 533. Недоброжелатели из современников прозвали графа К. В. Нессельроде «австрийским министром русских иностранных дел». Troyat H. Pouchkine. Paris: Plon, 1953. P. 700.
54. Дешеша Ноайля от 3 декабря 1816. Ibid. P. 706 - 712. См. также: Министерская система в Российской империи: К 200-летию министерств в России. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. С. 291 - 293.
55. Дешеша Ноайля от 28 сентября 1816. Correspondance diplomatique des ambassadeurs et ministres... Т. 1. P. 636.
56. Дешеша Ла Ферроннэ от 23 июля 1826. АМАЕ. CP Russie. Vol.171. F. 74 - 85.
57. Дешеша Ноайля от 28 сентября 1816. Correspondance diplomatique des ambassadeurs et ministres... Т. 1. P. 635 - 636.
58. Это отчасти объясняется неприязнью, которую великий национальный поэт А. С. Пушкин питал к министру, по ведомству которого числился. См., например, негативную характеристику К. В. Нессельроде как карьериста и слепого исполнителя монаршей воли в издании: Русские портреты XVIII и XIX веков. Издание великого князя Николая Михайловича Романова: В 5 т. М.: «Три века истории», 2000. Т. V. С. 502 - 503.
59. См. в частности Grimsted P. The foreign ministers of Alexander I. Political attitudes and the conduct of Russian diplomacy, 1801 - 1825. Berkeley, 1969; Дегоев В. В. Внешняя политика России и международные системы: 1700 - 1918 гг. М., 2004. С. 241; Ташшина Н. П. Политическая борьба во Франции по вопросам внешней политики в годы Июльской монархии. М.: «Прометей», 2005. С. 171.
60. Дешеша Баранта от 24 марта 1837. Souvenirs du baron de Barante... Т. 6. P. Н. Ж. Мезону и Э. де Серсэ, впрочем, довелось свести знакомство с К. В. Нессельроде еще до прибытия в Россию.
61. Дешеша Ла Ферроннэ от 17 апреля 1824. АМАЕ. CP Russie. Vol. 166. F. 138.
62. Дешеша Ла Ферроннэ от 24 марта 1826. АМАЕ. CP Russie. Vol. 170. F. 203.
63. Дешеша Баранта от 9 июля 1836. Souvenirs du baron de Barante... Т. 5. P. 429 - 433.
64. К. В. Нессельроде не удалось, например, убедить Николая I в деле греческих займов. Дешеша Баранта от 9 и 18 июля 1836. Souvenirs du baron de Barante... Т. 5. P. 429 - 433 и P. 440 - 443.
65. Дешеша Баранта от 12 января 1836. Ibid. P. 251.
66. Дешеша Лагрене от 15 июня 1833. АМАЕ. CP Russie. Vol. 187. F. 14.
67. Дешеша Баранта от 20 декабря 1836. Ibid. P. 510.
68. Министерство иностранных дел переехало в здание Главного штаба на Дворцовой площади в 1829 г., до этого оно располагалось по адресу Английская набережная д. 32.
69. Дешеша Лагрене от 15 июня 1833. АМАЕ. CP Russie. Vol. 187. F. 14.
70. Дешеша Баранта от 3 августа 1839. Souvenirs du baron de Barante... Т. 6. P. 227.
71. Дешеша Перье от 9 марта 1842. АМАЕ. CP Russie. Vol.198. F.92-93.
72. Дешеша Ла Муссэ от 13 октября 1815. Correspondance diplomatique des ambassadeurs et ministres... Т. 1. P. 312.
73. Дешеша Лагрене от 26 октября 1833. АМАЕ. CP Russie. Vol. 187. F. 185 - 186.
74. В 1806 г. П. Я. Убри подписал неприемлемый для русской стороны договор с Францией, который не был ратифицирован. См. Соловьев С.М. Император Александр I. Политика, дипломатия. М.: «Астрель», 2003. С. 126 - 132. Дешеша Ноайля от 30 октября и 27 ноября 1817. Correspondance diplomatique des ambassadeurs et ministres... Т. 2. P. 472 - 474.
75. Дешеша Мальвирада от 30 апреля 1818. Ibid. P. 669 - 670.
76. Дешеша Фонтенэ от 8 октября/26 сентября 1824. АМАЕ. CP Russie. Vol. 166. F. 339.
77. Дешеша Фонтенэ от 18 августа 1824. Ibid. F.289 - 291.
78. Дешеша Бургоэна от 10 июля/28 июня 1830. АМАЕ. CP Russie. Vol. 180. F. 146 - 149.
79. Bourgoing P. de. Souvenirs... P. 503.
80. Дешеша Лагрене от 22 августа 1833. АМАЕ. CP Russie. Vol. 187. F. 103 - 104.
81. Дешеша Лагрене от 18 сентября 1833. Ibid. F. 132.
82. Дешеша Райневаля от 30 сентября 1845. АМАЕ. CP Russie. Vol. 200. F. 131.
83. Дешеша Ноайля от 14 декабря 1817 из Москвы. Correspondance diplomatique des ambassadeurs et ministres... Т. 2. P. 520.

84. Деша Лагрена от 22 августа 1833. AMAE. CP Russie. Vol.187. F. 98 - 99.
85. Деша Баранта от 9 июля 1836. Souvenirs du baron de Barante... Т. 5. P. 429 - 433.
86. Деша Баранта от 5 ноября 1839. Ibid. Т. 6. P. 352.

В. Н.Борисенко, Ю. И.Кузнецова

Периодические издания 1830 - 1831 гг. о событиях в Англии и Июльской революции во Франции.

Первая парламентская реформа 1832 г. является одним из наиболее известных этапов совершенствования системы избирательного права в Англии XIX века. Борьба за проведение реформы началась в 1830 г., когда произошли события значительно изменившие обстановку внутри страны, и предопределившие необходимость и возможность принятия Билля о реформе 1832 г. Среди законодательных мер, предпринятых правительством в 1830 г. и за несколько лет до этого, следует выделить Акт об эмансипации католиков, который повлиял на авторитет лидера тори герцога Веллингтона. В число событий, которые воздействовали на расстановку сил «за» и «против» реформы, можно отнести смерть Георга IV в конце июня 1830 г. и Июльскую революцию во Франции.

Таким образом, хронологические рамки исследования, ограничены 1830 г. В этот же период была проведена ноябрьская сессия парламента, которая сделала очевидным падение партии тори как основной политической силы. Учитывая специфику использованных в исследовании источников, ежеквартальных обзоров, целесообразно расширить рамки исследования и на первую половину 1831 г. В первую очередь это связано с тем, что каждый выпуск охватывал в среднем около трех месяцев, и некоторые из статей, посвященные интересующим нас событиям, были опубликованы в номерах начала 1831 г.

Источники представлены тремя ежеквартальными политическими и литературными обзорами: «The Edinburgh Review», «The Quarterly Review», «The Westminster Review», - изданными в Лондоне и Эдинбурге в этот период. Обращаясь к рассмотрению статей, следует обратить внимание на особую черту политических изданий в жизни Англии. В сопоставлении с французскими газетами, которые пропагандировали революци-